

INSPIRIA

УБИЙСТВО В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

КЕЙТ КАРЛАЙЛ

INSPIRIA

Кейт Карлайл
Убийство в твердом переплете
Серия «Ток. Как раскрыть убийство.
Руководство для любителей»
Серия «Расследования
реставратора», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74577096
ISBN 978-5-04-255719-4

Аннотация

Бестселлер New York Times, бестселлер по версии Independent Mystery Booksellers Association.

Бруклин Уэйнрайт – настоящий хирург своего дела.

Пусть её «пациенты» пахнут плесенью, а их «позвоночники» сделаны из кожи, – ни одна больная книга не погибнет у неё на глазах. Чего, увы, нельзя сказать о её друге, наставнике и бывшем работодателе Абрахаме Карастовски.

Накануне торжества в честь завершения очередной реставрации Бруклин находит Абрахама в луже крови. С последним вздохом он успевает прошептать: «Помни о Дьяволе» – и доверяет ей на хранение бесценный, по слухам проклятый, экземпляр «Фауста» Гёте.

Но очень скоро Бруклин сама оказывается в центре скандала: её подозревают и в убийстве, и в краже. Чтобы доказать свою невиновность, Бруклин придётся расшифровать подсказки, оставленные наставником, и восстановить справедливость – прежде чем убийца доберётся до неё самой.

«Кейт Карлайл умеет рассмешить и увлечь так, что хочется переворачивать страницу за страницей, чтобы узнать, что будет дальше». – МИРАНДА ДЖЕЙМС, автор бестселлеров New York Times

«Живые диалоги, лёгкий, увлекательный стиль и яркие детали делают мир Бруклин Уэйнрайт по-настоящему осязаемым». – CRIMESPREE MAGAZINE

«Захватывающе. Напряжение нарастает с каждой страницей и приводит к неожиданной финальной развязке». – PUBLISHERS WEEKLY

«Этот первый роман новой серии уверенно выводит Кейт Карлайл в число авторов бестселлеров и заставляет с нетерпением ждать продолжения – с обаятельно эксцентричными героями, остроумными диалогами и виртуозно выстроенной интригой. Героиня-книголюб Бруклин Уэйнрайт – умная, дерзкая и очень обаятельная». – RT Book Review Magazine

«Дерзко, остроумно и с характером – увлекательное чтение с отличным чувством юмора и лёгкой щепоткой саспенса. Наслаждайтесь!» – НЭНСИ АТЕРТОН, автор серии Aunt Dimity mysteries

«Проклятая книга, мёртвый наставник и язвительный соперник втягивают реставратора книг Бруклин Уэйнрайт в охоту за уликами – а заодно в мир изысканной еды и хорошего вина – в этом ярком, смешном и по-настоящему очаровательном дебюте

Кейт Карлайл». – ЛОРНА БАРРЕТТ, автор серии Booktown Mystery

«Кто бы мог подумать, что реставрация книг может быть такой захватывающей? После убийства наставника Бруклин Уэйнрайт получает бесценный экземпляр "Фауста" Гёте, её мастерскую громят, за ней следят, а вокруг начинают множиться трупы. Виновато ли в этом знаменитое проклятие "Фауста"? Не скажу. Но поверьте: выяснять это будет очень весело. "Убийство в твёрдом переплёте" – отличное чтение в любом переплёте». – ПАРНЕЛЛ ХОЛЛ, автор серии Puzzle Lady Crossword Puzzle mysteries

«Бруклин – детектив в моём вкусе! Она любит книги, вино, шоколад – и разгадывать загадки. Кейт Карлайл создала великолепную новую серию, в которой есть отличные книги, отличная еда и море удовольствия». – МОРИН ЧАЙЛД, автор Bedeviled

«Прекрасная и умная Бруклин Уэйнрайт считала переплётное дело спокойной профессией – пока не убедилась в обратном. Кейт Карлайл написала умный, изящный и по-настоящему захватывающий роман, от которого невозможно оторваться». – ЛЕСЛИ МЕЙЕР, автор Candy Cane Murder

«Добро пожаловать в свежий, остроумный мир переплётчицы Бруклин Уэйнрайт. Восхитительное сочетание Сан-Франциско, реставрации книг и духа контркультуры, над которым нависла тень убийства. Кто бы мог подумать, что кожа и пергамент могут быть настолько притягательными?» – ДЖО ДЕРЕСКЕ, автор серии Miss Zukas mysteries

Содержание

Благодарности	7
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кейт Карлайл

Убийство в твердом переплете

Kate Carlisle

Homicide In Hardcover

Copyright (c) Kathleen Beaver, 2009 All rights reserved

Переведено в Переделкино.

© Буянова К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается Дону, который всегда верил, что
этот день настанет*

*У книг те же враги, что и у людей: огонь,
сырость, животные, погода и они сами.
Поль Валери*

Благодарности

Это моя первая книга, и я бесконечно благодарна многим людям. Все имена даже и не перечислить, но хочу упомянуть хотя бы некоторых.

Спасибо моим агентам, Кристине Хогреб и Келли Хармс из агентства «Джейн Ротросен», за ценные советы, невероятный энтузиазм и непревзойденное мастерство, с которым они помогли мне, автору-новичку, пройти тернистый путь к публикации. Также спасибо моему редактору, Кристен Вебер, чья позитивная энергия развеяла все мои страхи и помогла книге засиять. Благодарю художественный отдел издательства за создание самой прекрасной обложки на свете.

Спасибо Морин Чайлд за дружбу, любовь, честность и поддержку и Сьюзан Маллери за мудрость, вдохновение и превосходный вкус в вине. Я безмерно благодарна за то, что могу называть вас друзьями и почти соавторами романа. Знаю, что никогда не смогу в полной мере выразить свою благодарность за все, что вы для меня сделали. Мучас грасиас замечательным писателям сообщества «Ромэнс бэндитс», чей коллективный ум, доброта и преданность делу сделали это путешествие таким захватывающим.

Я также хочу поблагодарить союзы писателей Америки «Ромэнс райтерз оф Америка» и «Систерз ин крайм» за то, что открыли мне свои двери и предоставили возможность

завести новых друзей и получить новые знания.

Спасибо Брюсу Леви, мастеру, который познакомил меня с искусством переплета, а также Центру книги Сан-Франциско и эксперту по переплетному делу Энн Линдси за то, что дала мне навыки и знания, необходимые для создания прекрасных книг с использованием классических методов XIX века. Также огромное спасибо художнице Венди Пома за то, что научила меня множеству различных техник переплета всего за один день. Все ошибки, связанные с методами и приемами, мои и только мои.

И, наконец, я безмерно благодарна моей замечательной семье: мужу, маме, братьям, сестрам, племянникам и племянницам, тетям, дядям, двоюродным братьям и сестрам, родне по крови, закону и духу. Спасибо за вашу любовь, поддержку и неизменный юмор! Клянусь, любое сходство между вами и персонажами этих страниц – чистое совпадение.

Глава 1

Мой наставник всегда говорил, что для спасения пациента его сначала нужно убить. Не самый дружелюбный способ объяснить восьмилетней ученице свою теорию реставрации книг, но сработало. Я выросла с твердым намерением спасти всех.

Разглядывая выцветший хрупкий том в кожаном переплете, лежавший передо мной на рабочем столе, я понимала, что смогу вернуть его к жизни. Но будет непросто, потому что речь идет о шестистах страницах рыхлой и вонючей мякоти. А некогда элегантный позолоченный корешок книги и вовсе практически оторван от тела.

– Прости, старичок, но не в мою смену, – приговаривала я, смахивая пыль с петель мягкой щеткой. Проведя пальцем по корешку, обнаружила, что он весь в красном порошке. Плесень уже начала распространяться. Кожанный переплет был в ужасном состоянии.

Я взяла скальпель и надрезала тонкую телячью кожу вдоль пожелтевшей коричневой марли, высвободив кусочки тонких сухожилий, все еще цеплявшихся за липкие кусочки кожи. В отличие от мамы, я радовалась, что не пошла в медицинский. Потому что, давайте смотреть правде в глаза, окажись эта книга человеком, я была бы по локоть в крови и, скорее всего, потеряла бы сознание. Я не очень хорошо пе-

реношу вид крови.

До меня донесся резкий вздох.

– Какая гадость!

Я вздрогнула, и скальпель выпал из моей руки. Робин Талли. Моя лучшая подруга смотрела на куски кожи и заплесневелую бумагу, разбросанные по столу.

– Не слышала, как ты вошла, – сказала я, стараясь успокоить сердцебиение.

– Ясное дело, – фыркнула она, поднимая скальпель с пола и возвращая его на стол. – Даже если б тут бомба взорвалась, ты не заметила бы.

Проигнорировав ее слова, я спрыгнула с высокого табурета и крепко обняла Робин.

– Ты сегодня рано...

Она взглянула на часы.

– Вообще-то я как раз вовремя, но в твоей картине мира это рано, полагаю.

Я улыбнулась, затем взяла камеру.

– Ты не возражаешь? Мне нужно еще несколько минут, чтобы схематизировать и заснять все это.

– Прокрастинируй сколько угодно. Я не тороплюсь. – Она сняла пушистую черную куртку и поправила волосы.

– Ничего я не прокрастинирую, – возразила я.

Я сделала несколько снимков разлагающегося переднего края книги крупным планом, затем подняла глаза на Робин и увидела на ее лице выражение глубокой жалости.

– Ну, что такое? – спросила я.

Она подняла руки вверх:

– Я ничего не говорю!

– Так и слышу твое осуждение.

Я отложила камеру и загребла в охапку горсть карамельных «поцелуйчиков» в шоколадной глазури. Кроме шуток, считаю эти конфеты чудом современных технологий. Я отправила в рот сразу несколько штучек в надежде насладиться теплым взрывом вкусов.

– Ладно, я прокрастинирую, – сдалась я, опуская руки. – Но разве можно меня в этом винить? Между прочим, сегодня я могла бы угодить в какую-нибудь ловушку.

– Мы собирались в библиотеку, а не шнырять по темным аллеям, – засмеялась Робин.

– Знаю... – Я нахмурилась.

Сегодня в Ковингтонской библиотеке проходил закрытый показ самой важной коллекции книг за последние годы. И человек, которого сейчас чествуют, человек, ответственный за реставрацию редких антикварных книг, представленных на этой выставке, – Абрахам Карастовски, мой наставник, ментор на протяжении всей жизни. И... злой гений? Я не знала. Мы не разговаривали полгода, и я очень нервничала из-за предстоящей встречи после столь долгой разлуки.

Шесть месяцев назад, после многолетних колебаний, я наконец-то объявила Абрахаму, что хочу выйти из его тени и начать собственное дело. Не то чтобы он очень хорошо вос-

принял эту новость. Ему всегда тяжело давались перемены. Абрахам был человеком старой формации и твердо стоял на своем, полный решимости бороться с современными тенденциями как в реставрации книг, так и в жизни в целом. Когда я пошла в колледж изучать реставрацию и консервацию книг, он заявил, что это бесполезная трата времени и я научусь куда большему на практике, работая с ним.

Несмотря на всю его категоричность, решение уйти далось мне нелегко, хотя фактически я много лет работала самостоятельно. Абрахам был вне себя от ярости и наговорил всякого, о чем, как я надеялась, он теперь сожалеет.

Что будет, когда мы снова встретимся лицом к лицу? Обойдется ли он со мной как с врагом? Вычеркнет меня, не удостоив ни единым словом? Высмеет перед друзьями и коллегами? В общем, я очень волновалась. Можно ли, с учетом обстоятельств, винить меня за прокрастинацию?

– Абрахам прислал тебе приглашение, – сказала Робин. – Это доказывает, что он хочет тебя видеть. Не то чтобы он гуру коммуникаций, но он любит тебя, Бруклин. И ты это знаешь.

Я почувствовала, что вот-вот заплачу. Моя подруга была права. Как всегда. И, как всегда, это меня одновременно и успокаивало, и бесило.

Мы были лучшими подругами с семи лет, с тех пор как мои родители присоединились к духовной коммуне в винодельческом районе к северу от Сан-Франциско. Мама с па-

пой вырвали меня и моих пятерых младших братьев и сестер из привычной жизни, чтобы мы смогли познать радость выращивания наших собственных овощей, носить одежду из конопли и наслаждаться гармонией единства с природой. Мне это далось нелегко. Когда мы прибыли в коммуну, первой, кого я заметила среди толпы незнакомцев, была темноволосая девочка моего возраста, дерзко сжимавшая в руках лысую куклу Барби в красном атласном платье и черных туфлях на шпильках. Это была Робин. Мы сразу подружились несмотря на то, что во многом были полными противоположностями.

Сейчас Робин производит впечатление беспечной гламурной «публичной персоны». Никогда не подумаешь, что у нее собственный туристический бизнес или что она при этом еще и блестящий скульптор. Робин – брюнетка с шикарными формами и миндалевидными глазами, способная заставить мужчин вылететь на встречную полосу.

Я – совсем другое дело. Серьезная высокая блондинка, все еще не до конца вышедшая из стадии долговязой нескладехи. И если мужчины меня о чем-то и спрашивают, то в основном о революционном методе растяжки кожи. Знаю, звучит извращенно, но, к сожалению, это даже близко не так.

Сейчас на мне был строгий и элегантный черный костюм, а Робин выглядела просто сногшибательно, одевшись как на открытие какой-нибудь престижной модной выставки: в дерзкое коктейльное платье и туфли на острых черных

каблуках. Ее единственным украшением была классическая нитка жемчуга, доставшаяся от прабабушки.

К несчастью, мы шли не на открытие престижной модной выставки.

– И зачем ты так вырядилась? – поинтересовалась я, аккуратно снимая с себя покрытый пылью лабораторный халат.

Сегодняшний закрытый показ для членов Общества основателей Ковингтонской библиотеки обещал быть тихим мероприятием, на котором будут присутствовать попечители, бывшие и нынешние спонсоры, совет директоров и самые богатые представители высшего общества Сан-Франциско.

– Слушай, пусть даже сегодня вечером будут одни старперы, но я все равно иду повеселиться, – ответила Робин.

– Вот оно что... А то я уже подумала, вдруг ты забыла, куда мы идем, – съязвила я, вешая халат в маленький шкафчик возле входной двери.

– Едва ли это было возможно, – вздохнула она, обходя стороной стол, покрытый ломкими кусками кожи и отсыревшими страницами рукописей. – Абрахам опять звонил мне, сегодня днем, дабы убедиться, что я приду. Он был так взволнован, что чуть не задыхался.

– Он тебе звонил? – Меня охватило чувство обиды оттого, что Абрахам связался с Робин. Но почему бы и нет? Он был членом коммуны, сколько я себя помню. Все мы были очень близки, но я всегда считалась его любимицей. Впрочем, кто я для него теперь, без понятия.

– Он никогда раньше мне не звонил, – подчеркнула Робин. – Думаю, это его способ следить за тобой.

– Возможно.

– И он ни разу не спросил о тебе напрямик, но разговор всегда заканчивался тем, что речь шла больше о тебе, нежели обо мне. Так что делай выводы.

Я отказалась тешить себя надеждой.

– Значит, он волнуется по поводу сегодняшнего вечера?

– Правильнее сказать, бегаёт по потолку, – сказала Робин, садясь за мой стол. – Думаю, самая важная из книг, которые должны быть представлены сегодня, ещё не готова.

– «Фауст», – пробормотала я, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не была слышна горечь, которая терзала меня изнутри.

– Я слышала, это что-то с чем-то.

О, это мягко сказано...

Вот я, корпящая над сборником прекрасных, но никому не известных старых медицинских трактатов, а вот Абрахам, получивший в это время заказ века. Легендарную коллекцию редких антикварных книг и гравюр Генриха Уинслоу...

Книжная коллекция Уинслоу считалась одной из лучших в мире, а её венцом считалось инкрустированное драгоценными камнями позолоченное издание шедевра Гёте «Фауст», заказанное лично кайзером Вильгельмом в 1880 году.

И оно было проклято.

Некоторые связывали проклятие с тем, что книга какое-то

время принадлежала Адольфу Гитлеру, который, очевидно, не очень ценил книги – оно и неудивительно. Фюрер передал бесценного «Фауста» жене Генриха Уинслоу в качестве символического подарка на званый ужин в его честь.

Вскоре после того рокового ужина Генрих Уинслоу был отравлен и скончался в мучениях. Книги были распределены между его братьями, и в итоге несколько других членов семьи Уинслоу умерли вскоре после того, как «Фауст» попал в их дома. Неудивительно, что они решили, что книга проклята.

Никто не любил эту проклятую книгу так, как я. Поэтому так завидовала Абрахаму, что едва могла трезво мыслить.

– Бруклин? Привет! Я пришла с едой.

Мои глаза загорелись, как только в дверном проеме появилась голова хорошенькой молодой индианки.

– Привет, Винни, проходи, – сказала я.

Ее рваные пятьсот первые «ливайсы» и brutальные байкерские ботинки резко контрастировали с жизнерадостным голосом и тонкими чертами лица. Она вошла с пакетом, набитым маленькими белыми картонными коробками.

– Не хотела вам мешать, но мы со Сьюзи решили, что вам может понравиться китайская еда, которая у нас осталась. Я права?

– О боже, да! – воскликнула я, буквально захлебываясь слюной от соблазнительного аромата курицы в апельсиновом соусе и говядины с соусом из брокколи. Повернулась к

Робин. – Винни – одна из моих соседок. А это моя подруга Робин.

– Рада познакомиться, – улыбнулась Робин. Винни кивнула.

– Я Винамра Пател, но, пожалуйста, называйте меня Винни.

Винни и ее подруга, Сьюзи Штейн, жили в мансарде по соседству со мной. Они обе были резчицами по дереву и защитницами животных. До переезда сюда я ни разу не видела, чтобы две девушки лихо орудовали бензопилами по трехсотфунтовому куску капа красного дерева. Это было впечатляюще.

– Очень мило с вашей стороны, Винни, – сказала я, глядя на пакет. – Спасибо!

– Сегодня вечером мы уезжаем на фестиваль в Сьерру и не хотели, чтобы еда пропала, – объяснила она Робин.

– Здесь точно не пропадет, – подмигнула та, взглянув на меня. – Как они хорошо тебя знают...

– Они внимательные соседки, – ответила я, сузив глаза.

– Бруклин – очаровательная обжорка, – улыбнулась Винни. – Отнесу это на кухню.

С этими словами она исчезла в холле.

– Неудивительно, что тебе здесь нравится, – засмеялась Робин.

Она тоже отлично меня знала. Да, я люблю поесть. Очень люблю. И я не привереда: люблю все. Особенно шоколад. И

пищцу. Ах да, и мясо. Всегда обожала хороший стейк. Виноваты родители и двухлетняя «веганская фаза», которую они навязали нам с братьями и сестрами в годы взросления. У меня на всю жизнь остались шрамы на сердце по этому поводу, о чем я с удовольствием напоминаю им каждый раз, когда они разжигают гриль.

– Еда в холодильнике, – сказала Винни, протягивая мне связку ключей от своей квартиры. Тут ее глаза расширились – она заметила ошметки кожи и бумаги на моем столе. – Твоя новая работа?

– Да, – гордо ответила я.

Ее взгляд упал на Робин, и она тут же нахмурилась.

– Очень... мило.

– Ты хотела сказать: «Куча вонючего дерьма»? – фыркнула Робин.

– Если ты так считаешь... – Винни покачала головой.

– Большое спасибо за еду, – сказала я, позвеневав ключами. – Надеюсь, вы хорошо проведете время на фестивале. Я позабочусь о Плюшке и Громиле.

Винни не казалась озабоченной судьбой своих кошек. Она продолжала смотреть на ветхие страницы книги как загнипнотизированная. Я снова поиграла ключами, и Винни моргнула.

– Это так мило с твоей стороны, что ты готова позаботиться о наших любимицах, – сказала она. Затем откланялась и ушла.

- Она оставила тебя следить за своими животными? – Карие глаза Робин искрились смешинками.
- Я способна справиться с двумя кошками на три дня.
- Знаменитые последние слова обладательницы самого большого участка на кладбище домашних животных нашей коммуны, – засмеялась моя подруга.
- Ничего подобного! – Я скорчила рожицу. – Это была золотая рыбка. Они всегда умирают.
- Ой, да конечно. То-то тебя забанили в зоомагазине...
- Заткнись, пожалуйста. – Я схватила сумочку. – Пошли уже.
- Робин скользнула взглядом к моим ногам и снова выка-тила глаза.
- Господи! Да, правильно говорят: можно вывезти девушку из коммуны, но...
- О боже мой! – Я сбросила удобные сандалии и надела черные туфли, которые оставила у двери. – Так лучше?
- Ну ничего себе ты дерзкая сучка! – Она засмеялась и открыла дверь. – Ладно, мне нравится костюм, и каблук сильно улучшили образ в целом. Но я не могу поверить, что ты до сих пор носишь «биркенштоки»¹.
- Только когда работаю, – вздохнула я. – Мои стопы будто созданы для того, чтобы их носить.

¹ «Биркенштоки» (от названия немецкого обувного бренда Birkenstock) – сандалии, чья подошва из пробки, замши и джута очень удобно ощущается на ноге и со временем адаптируется к индивидуальной анатомии стопы.

– Точно, – фыркнула Робин. – Как у гейши, только не совсем.

– Печально, но факт, – согласилась я, выключая свет. – Ради Абрахама я стискиваю зубы и надеваю каблуки.

– Не волнуйся, ты шикарно выглядишь, – сказала Робин через плечо. – Он умрет, едва тебя увидит.

Глава 2

Если б я уже к восьми годам не решила работать с книгами, мое первое посещение Ковингтонской библиотеки точно заставило бы сделать меня именно такой выбор.

Величественный особняк в итальянском стиле с музеем и красивым садом занимал два квартала на вершине Пасифик-Хайтс. Пройти через огромные железные двери Ковингтона было все равно что войти в готический собор. Можно было почти услышать шепот призраков о тайнах Вселенной, которые точно покоились в этом огромном помещении с отделкой из красного дерева и книгами вдоль стен.

Да, там была своя магия. Вне зависимости от того, признавали люди веру в священность этого места или нет, они инстинктивно понижали голос до шепота, двигаясь по залам.

Коллекция Ковингтонской библиотеки была одной из крупнейших и лучших в мире. В ее постоянной экспозиции находилось двенадцать фолиантов Шекспира, письма Уолта Уитмена и одна из первых Библий Гутенберга. Здесь были сияющие иллюстрации средневековых монахов, переписка XVI века между королевой Елизаветой I и третьим графом Ковингтонским и опубликованные отчеты первооткрывателей, начиная с Христофора Колумба.

Эти экспонаты соседствовали с редкими первыми изданиями книг Мэри Шелли, Ганса Христиана Андерсена, Агаты

Кристи и Генри Дэвида Торо. Фолкнер, Хемингуэй и Кингсли Эмис делили кров с рисунками Джона Леннона, письмами Стивена Кинга с отказами из издательств, дневниками Курта Кобейна и потрясающей коллекцией винтажных бейсбольных карточек. Ковингтонская коллекция была разнообразной и частенько необычной – мягко говоря. Именно это и стало для меня главным доводом в пользу ее привлекательности.

После лихой поездки по городу Робин высадила меня у входа и отправилась искать безопасное место для своего любимого «Порше Спидстера». Я не стала ее дожидаться, потому что знала: она точно не будет торопиться, чтобы устроить эффектный выход. Мне же хотелось исключительно попасть внутрь, увидеть Абрахама и книги. Так что я пробиравась сквозь толпу нарядно одетых людей в просторном фойе с мраморным полом, пока наконец не достигла главного выставочного зала, где чуть не врезалась в Абрахама. Его глаза расширились, когда он понял, что это я.

– Тыковка! – Он сгреб меня в свои медвежьи объятия так крепко, что я чуть не потеряла сознание. Что ж, по крайней мере, он вроде бы рад меня видеть. – Я так рад, что ты приехала!

– Я тоже, – отозвалась я, хватая ртом воздух. Этот человек был крупнее быка, но элегантнее его. Сегодня на нем был темный костюм, который при всем желании не мог укротить дикаря внутри него – как и повлиять на непослушную копну

волос, растущих густой черной кудрявой массой. Мой отец всегда говорил, что у волос Абрахама должен быть свой почтовый индекс.

Он был человеком-стихией, временами буйной и разрушительной, всегда упрямой и вместе с тем прекрасной. От него пахло затхлостью книг и чаем с мятой. На мгновение я прильнула к нему, чтобы насладиться этим ароматом.

Я скучала по нему, любила, как самого любимого дядюшку. Мы встретились впервые после разрыва наших деловых отношений, однако он вел себя так, будто мы никогда и не расставались. Это казалось немного странным, но я была счастлива.

Не снимая руки с моего плеча, Абрахам замахал женщине, стоявшей в нескольких шагах от меня. Я аж вздрогнула всем телом, когда он крикнул:

– Дорис! Познакомься с Тыковкой! То есть с Бруклин!

Маленькая хрупкая женщина в черно-золотом костюме от «Шанель» рассеянно помахала в ответ, прежде чем продолжить разговор с высоким лысеющим мужчиной.

– Она может сотворить чудеса с твоей карьерой, Тыковка, – громко прошептал Абрахам.

Пока мы ждали Дорис, у меня было несколько секунд, чтобы перевести дух, осмотреться и попытаться забыть, что он уже трижды использовал применительно ко мне это ужасное детское прозвище. Да-да, когда-то я была чуточку одержима тыквенным пирогом на День благодарения. А что, разве не у

всех так же? Впрочем, я могла бы простить Абрахама, познакомь он меня с кем-то, кто поможет моему бизнесу. И этого было достаточно, чтобы понять, что он простил мне мой уход. Но не то чтобы я ждала с его стороны каких-то слов по этому поводу. Абрахам был человеком старой закалки – сильным, молчаливым, иногда задумчивым. За исключением тех случаев, когда он начинал ворчать о чем-либо. Тогда он становился каким угодно, но только не молчаливым.

– Как твои дела? – спросила я, с улыбкой взглянув на Абрахама.

– Ах, Бруклин, жизнь прекрасна, – ответил он, вновь принимая меня. – Я и представить не мог, что она может быть лучше, но – может.

– Правда? – Никогда прежде не слышала, чтобы мой вечно брюзжащий ментор высказывался столь оптимистично. – Я так рада за тебя!

Где-то над нами струнный квартет заиграл серенadu Гайдна. Я подняла взгляд на кессонный потолок высотой в три этажа и изящные кованые балконы. Музыканты находились на третьем этаже, откуда открывался вид на главный зал с бесчисленными книжными полками. Они опоясывали главный зал на всех этажах, прерываясь узкими проходами, которые вели в уютные читальные залы и учебные уголки. Здесь было больше укромных местечек, чем в хоббичьей норе, и я все еще представляла себя восьмилетним книголюбом, впервые посетившим эту библиотеку и бродящим по ее замыс-

ловатым лабиринтам. Неудивительно, что я влюбилась в это место.

В главный зал стекалось все больше гостей, заполняя пространство оживленными разговорами и элегантными вечерними нарядами. Смех соперничал с музыкой, официанты в смокингах появлялись с подносами бокалов шампанского и изысканными закусками. Я ласково погладила Абрахама по руке:

– Все это выглядит просто потрясающе!

– Спасибо, дорогая, – сказал он. – Сегодня ты выглядишь особенно клёво.

Я вздохнула. Клёво... Кто вообще так говорит? Но мне понравилось.

Вдруг мышцы его рук напряглись, и Абрахам тихо выругался. Я взглянула на него и увидела, что его лицо посерело.

– Что случилось? Что-то не так? – спросила я.

– Бальдаккио! – яростно прошипел он. – Не могу поверить, что у этого двуличного мошенника хватило яиц заявиться сюда!

– Ты шутишь... – Я начала было поворачиваться, чтобы посмотреть, о ком речь, но Абрахам удержал меня.

– Не оглядывайся! Я не хочу, чтобы он видел, как мы попусту тратим воздух на обсуждение его персоны!

– Тогда скажи мне, куда смотреть.

Абрахам вновь схватил меня за руку:

– Ладно. За твоим левым плечом. Стой... Можно, давай!

Я старалась сохранять непринужденный вид, осматривая заполненное людьми пространство, и не сразу узнала сморщенного человека с сальными волосами, стоящего в углу, но потом он хитро улыбнулся, и не осталось никаких сомнений, что это действительно Энрико Бальдаккио, самый ненавистный соперник Абрахама в маленьком мире книжных реставраторов. Годами они усердно подрывали репутацию друг друга, распространяя сплетни и перехватывая друг у друга выгодные заказы.

– Я слышала, вы вместе работали на каком-то проекте Книжной гильдии, – сказала я. – Или все это гнусные слухи?

– Нет. – Абрахам выглядел так, будто был готов убивать. – Гильдия умоляла меня согласиться, и я попытался, но был вынужден разорвать с ним всяческие отношения. Этому человеку нельзя доверять. Он лжец и вор!

Я еще раз украдкой взглянула на него через комнату. Бальдаккио оживленно беседовал с Иеном Маккалоу, главным куратором Ковингтонского музея и однокашником моего брата Остина – и моим бывшим женихом плюс ко всему. Под руку с Иеном стояла женщина. Когда она повернула голову, я не сдержала вздох изумления и отвернулась.

– Что такое, Тыковка? – спросил Абрахам.

– Минка Ла Беф.

То, как он мгновенно нахмурился, было мне приятно.

– Удивлен, что она пришла сегодня, – сказал он.

Абрахам знает Минку Ла Беф?.. А, ну да, мир книжных

реставраторов тесен. И да, у нее хватило наглости появиться в пределах двух кварталов от меня. Я молча кипела от злости. Из всех стерв на свете...

Много лет назад мы с Минкой вместе учились в аспирантуре Гарварда на факультете искусств и архитектуры. Я не очень хорошо ее знала, но всякий раз, когда наши пути пересекались, улавливала странный вайб гнева – или презрения – в мой адрес. Это сбивало с толку, и я старалась ее игнорировать.

Однажды, после того как профессор на занятиях по производству бумаги отметил мою превосходную отделку золотом, Минка подошла ко мне, чтобы посмотреть на мою работу, – по крайней мере, я так подумала. На самом деле она спрятала под одеждой острый нож для подрезки кожи – и попыталась пронзить мне руку. Едва не задела мне лучевую артерию, а также несколько жизненно важных нервов и мышц. Клялась, что это был несчастный случай, но я видела в ее бегающих глазах и расчет, и насмешку.

Позже я узнала, что в то время Минка была безумно влюблена в моего парня. Безумно в самом плохом смысле: она пыталась найти способ выжить меня из этих отношений. К счастью, вскоре после инцидента с ножом Минка бросила учебу, а я продолжила обучение в магистратуре.

Наши пути снова пересеклись в том семестре, когда я вела курс по подготовке книжного блока в Техасском университете в Остине. Минка приходила слушать мои лекции. Я бы-

ла настолько напугана, что подумала, будто она все еще преследует меня. Можете считать меня чокнутой, но после того как я обнаружила два спущенных колеса у своей машины, а затем –дохлую кошку на крыльце, я пошла в администрацию и добилась, чтобы ее исключили из класса. Я серьезно опасалась за свою безопасность и даже представляла, как она пытается засунуть мою голову в книжный пресс или что-то в этом роде.

И вот Минка здесь, в Ковингтоне, цепляется за Иена... Знала ли она, что мы были помолвлены несколько лет назад? В принципе, это не тайна... Что за игру она ведет?

– Так ты ее знаешь, – сказала я тоном, не терпящим возражений.

– Не то чтобы хорошо, – признался Абрахам. – Минка работает на неполную ставку, поэтому я привлекал ее для некоторых реставрационных работ по Уинслоу. Она производила впечатление очаровательного и деятельного человека, но, как только приступила к работе, начались проблемы. Двое моих лучших сотрудников грозились уйти, поэтому я отстранил ее от проекта.

Я едва могла видеть, как Минка смеется и болтает, словно близкая подруга и Иена, и Бальдаккио. Из всех возможных мероприятий она выбрала именно сегодняшнее – открытие выставки Абрахама. Я невольно задалась вопросом: не из-за меня ли Минка здесь? Все в галерее знали, что Абрахам был моим наставником... Или я уже совсем параноик?

Мне очень хотелось бы продолжить разговор об особенностях Минки и узнать, как она вообще умудрилась устроиться в Ковингтон, но нас прервала Дорис, подруга Абрахама.

– Ну, и чего ты тут орешь, старик? – спросила она, схватив его за руку и как следует встряхнув.

Я чуть не фыркнула от смеха.

– Дорис Бондюрант, – официальным тоном произнес Абрахам. – Я хотел бы представить вам мою бывшую ассистентку, а теперь мою самую главную конкурентку, Бруклин Уэнрайт. Бруклин, это моя старая подруга Дорис Бондюрант.

– Это ты кого назвал старой, нахал! – возмутилась она и толкнула его в живот локтем. Затем повернулась ко мне и пожала руку. – Здравствуй, милочка.

– Я так рада познакомиться с вами! – сказала я.

Помимо того, что Дорис и Теодор Бондюранты были попечителями библиотеки Ковингтона, они входили в советы директоров как минимум шести благотворительных организаций Сан-Франциско, так что их имена были синонимами искусства и высшего общества. Их состояние, вероятно, составляет несколько миллиардов долларов, так что Дорис вполне могла позволить себе быть дерзкой. Ее рука была узловатой и покрытой пигментными пятнами, но рукопожатие было таким крепким, что я была готова просить пощады.

– Я слышала много хорошего о тебе от этого парня, малыш, – сказала она, указывая пальцем на Абрахама. – Буду рада однажды увидеть здесь твои работы.

Голос выдавал в ней курильщицу с многолетним стажем.

– Спасибо за добрые слова, миссис Бондюрант.

Она погрозила мне пальцем.

– Во-первых, я вовсе не добра. А во-вторых, зови меня Дорис.

– Хорошо, Дорис, – улыбнулась я.

– Так-то лучше. – Она подмигнула. – Вообще говоря, люди в основном считают меня сволочью, но я просто люблю книги.

– Я тоже.

– Очень рада это слышать, – сказала Дорис. – А теперь, раз этот жучара утверждает, что ты разбираешься в переплетном деле, я готова сделать тебе пару интересных предложений.

Я послала Абрахаму взгляд, полный благодарности, и он вздернул брови в ответ.

– Почту за честь, – сказала я.

– У тебя есть визитка?

– Да, конечно. – Я порылась в сумке, нашла визитки и протянула одну Дорис. Та несколько секунд разглядывала ее, прежде чем кивнуть.

– Я позвоню, – сказала она и сунула визитку в свою сумочку. Затем оглядела зал и похлопала Абрахама по бочкообразной груди. – Так, сейчас я хочу найти Тедди и заглянуть в бар, пока там не стало слишкомлюдно, но потом мне нужна та экскурсия по закулисы, которую ты мне обещал!

– Слушаюсь, мэм, – усмехнулся Абрахам.

Дорис подмигнула мне, шлепнула его по руке и, сделав прощальный жест, ушла.

– Она супер! – сказала я, поворачиваясь к Абрахаму.

– Дорис в своем репертуаре... – Он взглянул на часы и выругался себе под нос. – Мне пора бежать. Нужно кое-что сделать.

– Конечно, не буду тебя задерживать.

– Слушай, может, спустишься ко мне в мастерскую через часик-другой, как со всеми наболтаешься? Покажу тебе «Фауста». – Он наклонился ближе ко мне и вздернул брови. – Только не говори, что не умираешь от желания увидеть его.

– Еще как умираю, – усмехнулась я.

– Поверь мне, это грандиозно!

– Верю, Абрахам. Верю.

– Ты ж моя хорошая девочка! – Он в очередной раз приобнял меня.

Я еле сдерживала слезы. Впервые Абрахам сказал так, когда мне было восемь лет и я была абсолютно несчастна. Мои тупые братья использовали мою любимую книгу «Таинственный сад» как футбольный мяч, и я нашла ее валяющейся в грязи. Обложка висела буквально на нитках, половина страниц превратилась в труху. Мама предложила обратиться к переплетчику нашей коммуны, чтобы он спас книгу.

Абрахам, едва взглянув на нее, потребовал моих братьев в студию и пообещал им все возможные леденящие душу кары, если они еще хоть раз испортят хоть одну книгу. Напугав

их до смерти, он провел братьям короткий урок по книжному искусству и истории – версию для детей, конечно. А затем объяснил, что значит семья и почему они должны беречь и почитать свою сестру, уважая то, что для нее дорого.

В тот день я влюбилась в Абрахама.

Смахнув слезу, я сказала:

– Абрахам, я просто хочу, чтобы мы...

– Ни слова больше! – перебил он, положив руки мне на плечи. – Признаю, я был упертым старым дураком, но это послужило мне важным уроком.

– Уроком?

– Да. – Он кивнул. – Жизнь чертовски коротка, чтобы тратить время на сожаления или размышления о том, что могло бы быть. С этого момента я планирую жить исключительно в настоящем и наслаждаться каждой минутой.

У меня аж дыхание перехватило от этих его слов, но я все же прошептала:

– Я так скучала по тебе...

Абрахам снова обнял меня.

– Ах, Тыковка, твои слова – музыка для моих старых ушей! – Он отпустил меня, добавив: – Больше не будем порознь, договорились?

– Согласна.

– Вот и славно. Буду ждать тебя внизу через пару часиков.

– Я приду! – пообещала я.

Он пошел прочь – и растворился бы в толпе, если б не

копна его волос. Она так и маячила впереди, пока Абрахам не проскользнул в дверь, ведущую в небольшую Западную галерею. И исчез.

Я знала, что Западная галерея ведет к ряду небольших выставочных залов, которые, в свою очередь, заканчиваются лестницей в подвал, где располагалась его временная студия. Одним из преимуществ работы над выставкой в Ковингтоне было бесплатное использование их современных мастерских – если, конечно, найти дорогу к ним в лабиринте галерей, залов и лестниц. Хотя, если вы собираетесь заблудиться, это тем более отличное место.

С моего сердца словно свалился тяжкий груз. Мы с Абрахамом могли двигаться дальше как друзья и коллеги, а не как непримиримые противники, которыми, как я боялась, мы стали.

Почувствовав облегчение, я направилась к выставке писем и фотографий Уолта Уитмена. Главный зал теперь был до отказа заполнен сливками сан-францисского общества. Сплошные старперы, как и ожидалось.

Мысли о старперах натолкнули меня на мысль о Робин, что, в свою очередь, напомнило об отсутствии выпивки в моей руке.

Осматриваясь в поисках бара, я обратила внимание на дальнюю часть зала. Рядом с большой экспозицией оригиналов картин Одюбона, одиноко прислонившись к стене, стоял мужчина. Настороженный незнакомец в толпе друзей-кни-

голубов. Он потягивал какой-то напиток, разглядывая толпу, экспонаты, обстановку, но как будто держался в стороне от всего этого.

Я никогда раньше его не видела. Такого я запомнила бы: он был ростом больше метра восьмидесяти, темноволос, коротко стрижен. Поджарое мускулистое тело излучало силу крутого парня, который предпочитает пустить в ход и обаяние, и кулаки – лишь бы добиться желаемого. Мне такие нравились. Когда он оглядывал помещение, в его темных глазах читалось чисто мужское высокомерие. И тайны. Много тайн.

Когда его взгляд встретился с моим, мужчина вдруг прищурился и нахмурился. Он смотрел прямо на меня, ошибки быть не могло. Что это вообще такое?!

Его явное неодобрение было таким неожиданным и оскорбительным, что я сердито посмотрела на него в ответ. Он не отвел взгляд, продолжая смотреть на меня в упор. Что ж, я не собиралась отводить свой взгляд первой. Но зал словно начал сужаться, и мне пришлось на секунду ухватиться за перила перед выставкой Уолта Уитмена.

Видимо, я все-таки моргнула. Хочется верить, что нет, но в один момент неприязненное выражение его лица сменилось выражением полнейшего безразличия. Он снова окинул взглядом толпу и не посмотрел на меня. И хорошо, потому что я, скорее всего, выглядела глупо и тяжело дышала.

Похоже, мне действительно нужно чаще выходить в люди...

Здорово недовольная собой, я протискивалась сквозь толпу и к тому времени, как добралась до бара, вернулась в относительно вменяемое состояние. Пока не увидела, кто разливает напитки.

– Папа?!

– Привет, солнышко, – сказал он так, как будто это было обычным делом. Мой отец работает барменом на светском мероприятии и наливает мне бокал каберне совиньон, даже не спросив, хочу ли я... Странно.

Нет, ясное дело, я хотела вина. В этой части ничего странного не было.

– Папа, что ты здесь делаешь?

Он поправил очки – они всегда имели привычку сползать с носа – и протянул мне вино. Затем налил два бокала шардоне, передал их другому посетителю и только после этого снова повернулся ко мне.

– Детка, разве это не круто? – сказал он, ухмыляясь. – Это все Абрахам замутил. Ковингтонцы согласились предлагать наши вина на всех своих мероприятиях. Робсон в полном восторге. Можешь себе представить?

Он вернулся к наливанью вина и объяснению тонкостей вкусов остальным собравшимся у бара, а я сделала два больших глотка превосходного каберне совиньон. Это был не самый правильный способ насладиться хорошим вином, но кто меня осудит? Я пробыла здесь менее получаса и уже была выжата как лимон.

В 70-е мои родители, родители Робин и несколько сотен их ближайших друзей, такие же сорвиголовы и искатели мудрости, последовали за своим духовным наставником, Аватаром Робсоном Бенедиктом – или Гуру Бобом, как его называли, – в округ Сонома, где создали «Братство духовного просветления и высшего творческого сознания». Уж не знаю, имело ли высшее сознание к этому хоть какое-то отношение, но вложение оказалось удачным. Коммуна располагалась на тысяче гектарах плодородных сельскохозяйственных угодий, большая часть которых впоследствии была превращена в виноградники. Папа был ребенком, выросшим на трастовом фонде, которого отец лишил наследства, потому что не одобрял его распушенный и легкомысленный образ жизни. К тому времени, как дедушка решил вернуть отца в завещание, было уже слишком поздно менять его дурные привычки. Папа прикипел к жизни в нищете, как он любил выражаться. Неудивительно, что ему понравилась жизнь винодела. Он был гедонистом до мозга костей.

Теперь папа управлял винодельней коммуны вместе с моим старшим братом Остином и сестрой Саванной. Другой мой брат, Джексон, отвечал за виноградники. Интересно, они тоже здесь сегодня?

– Ну как тебе каберне, Брукс? – спросил папа.

– М-м, отлично, – пробормотала я, сделав маленький глоток вина и прополоскав им рот, как положено.

Я вглядывалась в толпу в поисках Робин. Во всяком слу-

чае, такой была моя легенда – пока я все-таки не бросила взгляд на угол, где видела недовольного мужчину. Он уже отошел от выставки Одюбона, но я без труда обнаружила его у экспозиции Шекспира.

Я наблюдала, как этот мужчина бродит по краю просторного зала, изучая толпу, изредка поглядывая на экспонаты и фиксируя все. Он двигался словно пантера, выслеживающая добычу. Я пыталась отвести взгляд, но не могла. Уж извините, но этот мужчина был слишком горячим и сексуальным. В библиотеке таких встретишь не каждый день.

Я заметила, как он приподнял бровь и еле сдержал улыбку. Заинтригованная, проследила за его взглядом через комнату к открытой двери. Там стояла Робин, дерзко упиравшаяся рукой в бедро. Она все-таки совершила свой эффектный выход и теперь с живым интересом разглядывала толпу.

Ну понятно. Меня Горячий Мистер Секси удостоил неприязненного взгляда, а Робин получила приподнятую бровь и улыбку... Ненавижу ныть, но жизнь иногда бывает просто отвратительной.

Я вздохнула, протянула бокал, и папа автоматически его наполнил. Иногда очень полезно иметь высокопоставленных друзей. Например, разливающих напитки за барной стойкой.

Я оставила отца очаровывать гостей, а сама с полным бокалом вина бродила между витринами, наслаждаясь приятной музыкой и приветствуя знакомых. Казалось, Абрахам сегодня вечером пригласил всех переплетчиков Северной Ка-

лифорнии. Я не могла его за это винить: сегодняшней вечер был его триумфом, вплоть до блинчиков с лососем и кремом-фреш, которые я жевала, прогуливаясь туда-сюда.

Внушительный угол главного зала библиотеки был отведен под экспозицию Уинслоу. Симпатичный баннер гласил: «ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОДНОГО ГЕРОЯ: НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ С XVII ПО XX ВЕК – КОЛЛЕКЦИЯ ГЕНРИХА УИНСЛОУ».

Письма, фотографии и музейные афиши рассказывали историю Генриха Уинслоу, владельца крупной строительной фирмы в нацистской Германии, который, используя свое влиятельное положение, спас более семисот евреев от отправки в концентрационные лагеря. Все это было пугающе похоже на оscarоносный «Список Шиндлера». Интересно, сколько других простых немцев осмелились бросить вызов Гитлеру и нацистам?..

Жизнь Генриха недавно стала темой специального выпуска на канале «История». Можно было предположить, что это привлечет еще больше внимания к выставке.

Я прогуливалась вдоль рядов, рассматривая книги из коллекции Уинслоу, в частности первое издание сказок братьев Гримм 1812 года с изящными, нарисованными от руки иллюстрациями, а также несколько оригинальных оперных партитур Вагнера с его карандашными пометками на полях.

Также были представлены письма жертв холокоста и тех, кто его пережил, и многие фотографии того времени. Пре-

зентация вызывала сильные эмоции и вместе с тем воодушевляла.

Несмотря на сложную тему, публика была оживленной и дружелюбной. Сквозь гул разговоров доносилась музыка, алкоголь лился рекой, и вкусной еды тоже было в избытке.

Прошло больше часа с тех пор, как я видела Абрахама, поэтому решила, что пришло время спуститься вниз и посмотреть на «Фауста». Остановившись наполнить бокал вина, я проскользнула в коридор с целью найти дамскую комнату и освежить помаду. После того как привела себя в порядок, я проследовала мимо ниши, ведущей к телефонам-автоматам, и вдруг услышала, как какой-то мужчина горячо прошептал:

– Этому паршивому сукину сыну это с рук не сойдет!

– Пожалуйста, не делай ничего безумного! – ответила женщина, ее голос звучал встревоженно.

– Я никогда не делаю ничего безумного, – отчеканил тот. – Безумные поступки – это по вашей женской части.

– Ну папочка! – воскликнул более молодой женский голос с визгливыми и плаксивыми нотками.

– К несчастью, папа прав, дорогая, – возразил женский голос. – Давай не будем забывать, как мы дошли до такого фиаско.

– По крайней мере, ты это признаешь, – горько произнес мужчина. – Теперь я должен найти наилучший способ разобраться с этим козлом и тем, во что он нас втянул...

– Следи за языком, дорогой, – предупредила женщина.

– Да она и похуже слова слышала, – огрызнулся он.

– Послушай, – опять вступила женщина. – Давай просто забудем о проблемах с книгой и постараемся хорошо провести сегодняшний вечер.

– Можно я пойду? – спросила девушка. – Это все так скучно...

– Твое наследство – это скучно?! – Мужчина повысил голос.

Троица вышла из ниши. Они увидели меня и остолбенели.

Я узнала этих людей. Конрад и Сильвия Уинслоу и их обожаемая дочь Мередит – наш сан-францисский ответ Пэрис Хилтон. Они были настоящими владельцами коллекции Уинслоу и неприлично богатыми. Но, в отличие от друзей Абрахама, Дорис и Тедди Бондюрантов, предпочитали светить своими деньгами, давая ежедневную пищу папарацци.

– Добрый вечер, – сказала я, улыбаясь и молясь, что не выгляжу как олень, попавший в свет фар. Если в чем-то сомневаешься, веди себя так, будто это чертово место тебе принадлежит. Вот я и шла себе дальше как ни в чем не бывало.

Пока они гордо шествовали мимо меня, я гадала, кого же имел в виду мистер Уинслоу под «сукиным сыном». И что имела в виду его жена, когда говорила о проблемах с книгой. Если хоть с какой-то книгой были проблемы, Абрахам должен об этом знать... Я быстро направилась в Западную галерею.

Я поняла, что потеряла из виду и Робин, и недовольного

мужчину. Что ж, это к лучшему. Меньше всего мне хотелось видеть, как эти двое флиртуют. Глупо звучит, правда? Я ведь впервые видела этого человека...

Временное помешательство. Слишком много часов в компании старых заплесневелых книг... Ну и ладно. Я сделала еще один глоток вина, выскочила из двери Западной галереи и устремилась к лестнице в подвал, чтобы найти Абрахама.

Освещение на лестнице было слабым, а лестница – узкой и крутой. Высокие каблуки, мягко говоря, не помогали спуску, поэтому я делала каждый шаг медленно, держась одной рукой за поручень, а другой – за бокал.

Вдруг снизу донесся отрывистый звук шагов, быстро приближающийся ко мне. Когда я обогнула лестничную площадку, какая-то женщина резко остановилась, чуть не врезавшись в меня.

Я ахнула от неожиданности. Она посмотрела на меня. И закричала.

Глава 3

– Мама?!

– Да уж. – Мама выдала нервный смешок, звук которого разнесся эхом по лестнице. – Бруклин! Фух, слава богу, это ты, а не твой отец...

Не то чтобы именно такое приветствие я ожидала от родной матери. Впрочем, сегодня вечером вообще ничто не соответствовало моим ожиданиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.